

Коллин Уильямс, Джон Раунд

ОЦЕНКА ПРОНИКНОВЕНИЯ КАПИТАЛИЗМА В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОСКВЕ¹

ВВЕДЕНИЕ

В социальных науках часто встречается представление, что капитализм не просто все дальше протягивает свои щупальца по всей планете, колонизируя немногие оставшиеся нетронутыми прежде области, но и все глубже проникает во все уголки экономической жизни. И эта идея неизбежного, необратимого и неумолимого перехода к капитализму, под которым понимается процесс «производства капиталистическими предприятиями товаров и услуг с целью получения прибыли в условиях рыночного обмена» (Scott 2001: 11), распространена настолько, что многим сегодня трудно даже представить себе, что у экономики может быть какое-то иное будущее, помимо капиталистической гегемонии.

Задача настоящей статьи состоит в критической оценке этого нарратива, который делает будущее экономического развития предопределенным. В первом разделе рассматривается тезис о капиталистической гегемонии, а во втором — первые работы, в которых начинает оспариваться идея беспрецедентно широкого и глубокого проникновения капиталистических практик как в передовых экономиках Запада, так и в странах «третьего мира». Развивая далее эту критику капиталистической гегемонии, в третьем разделе на примере постсоциалистической Москвы показывается степень проникновения капитализма в «переходных» экономиках (называемых так, исходя из предположения, что они переживают переход к капитализму). После демонстрации сравнительно незначительного проникновения капиталистических экономических практик в повседневную трудовую жизнь

1. Colin C. Williams and John Round, 'Evaluating the Penetration of Capitalism in Postsocialist Moscow,' *The American Journal of Economics and Sociology*, vol. 67, no. 2, April 2008, p. 359–379.

горожан в заключительном разделе обосновывается необходимость пересмотра наших представлений об экономическом развитии и самих постсоциалистических обществах.

Но в самом начале нужно сказать, что мы имеем в виду, говоря о «капиталистических» и «некапиталистических» экономических практиках. Под «капиталистическими» или, как часто говорят, «товаризованными», «рыночными» или «коммерческими» экономическими практиками подразумевается производство товаров и услуг для монетизированного обмена с целью получения прибыли (Scott 2001; Williams 2005). Таким образом, исходя из этого определения, капиталистической экономической практикой может быть названа такая практика, в которой, во-первых, товары и услуги производятся для обмена, во-вторых, этот обмен связан с денежными платежами и, в-третьих, этот денежный обмен пронизан стремлением к получению прибыли.

Таблица 1. Таксономия экономических практик

Монетизированный обмен	Монетизированный обмен, не направленный на получение прибыли Монетизированный обмен, направленный на получение прибыли	
Немонетизированные экономические практики	Необмениваемый труд	Немонетизированный обмен

Следовательно, некапиталистические экономические практики — это такие практики, в которых товары и услуги либо не обмениваются, либо, если и обмениваются, то не монетизируются, либо, если и монетизируются, то не имеют своей целью получение прибыли. Как видно из Табл. 1, можно выделить три типа некапиталистических экономических практик. Прежде всего, существует необмениваемый труд (называемый по-разному — «самообеспечением», «самодостаточным трудом» или «неоплачиваемым домашним трудом»), когда член семьи занимается неоплачиваемым трудом для себя самого или другого члена семьи. Кроме того, существует немонетизированный обмен (часто называемый «неоплачиваемым общественным обменом», «взаимопомощью» или «реципрокностью»), при котором члены домохозяйства занимаются неоплачиваемым трудом для кого-то, кто к нему не принадлежит. Наконец, существует монетизированный обмен, не направленный на получение прибыли: ситуация, когда монетизированный обмен имеет место, но прибыль не является главным мотивом.

Сторонники же идеи капиталистической гегемонии убеждены в том, что товары и услуги все чаще производятся и распределяются в ходе монетизированного обмена, направленного на получение прибыли (серая область в Табл. 1) и что некапиталистические экономические практики, а именно — необмениваемый труд, немонетизированный обмен и монетизированный обмен, не направленный на получение прибыли, исчезают по мере того, как капиталистический способ производства колонизирует экономический ландшафт.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ГЕГЕМОНИИ: ТЕОРИЯ ПОСТРАЗВИТИЯ

Все общества производят и распределяют товары и услуги, востребованные гражданами, и потому имеют экономики того или иного типа. Но экономики могут быть устроены по-разному. При описании устройства экономик многие наблюдатели обычно выделяют три формы обеспечения товаров и услуг, а именно — «рынок» (частный или капиталистический сектор), «государство» (публичный сектор) и «общность» (неформальный или третий сектор), хотя иногда используются и другие обозначения («рыночный обмен», «перераспределение» и «взаимность/реципрокность» у Поланы; «частный сектор», «государственный сектор» и «гражданское общество» у Гидденса).

Сегодня почти безраздельно властвует представление, что из этих трех способов обеспечения товаров и услуг именно рыночный (или капиталистический) сектор переживает рост, тогда как две остальные сферы сокращаются. И действительно, сегодня мало кто считает, что будущее будет основываться на чем-то ином, нежели дальнейшее вторжение капитализма. Многие считают, что капиталистическая сфера становится основным экономическим институтом, а не просто одним из способов создания и обеспечения товаров и услуг. С этим согласны как сторонники неолиберализма (напр., De Soto 2001), так и его противники (Amin et al. 2002; Castree et al. 2004; Fulcher 2004).

Но на протяжении последнего десятилетия заметно вырос корпус работ о постразвитии, в которых поднимался вопрос о том, действительно ли капитализм становится все более гегемонистским, на материале не только «развитых» рыночных экономик (см.: Community Economies Collective 2001; Gibson-Graham 1996, 2003; Williams 2004b, 2005), но и большинства стран «третьего мира» (см.: Escobar 1995, 2001; Esteva 1985; Latouche 1993; Sachs 1998). Их идея состоит в том, что тезис о капиталистической гегемонии не является теорией, которая стремится отражать действительность, а представляет собой то, что Батлер (Butler 1990) называет «перформативным» дискурсом, направленным на изменение реальности по своему образу и подобию, в соответствии с интересами капитализма, путем конструирования капиталистической гегемонии в качестве естественного и неизбежного будущего, не допускающего никакой альтернативы.

В споре с тезисом о капиталистической гегемонии представители теории постразвития использовали две общие стратегии. С одной стороны, опираясь на анализ дискурса (Деррида 2000), они оспаривали бинарную иерархию капиталистического/некапиталистического, в соответствии с которой капитализм признавался экспансивным и нормативно позитивным, а подчиненная некапиталистическая область — остаточной и негативной. Либо производился пересмотр подчиненной составляющей (неоплачиваемый труд наделялся ценностью), либо происходило размывание границы между капиталистическими и некапиталистическими практиками, подчеркивающее их сходство и соприсутствие.

С другой стороны, некоторые теоретики постразвития следовали по пути, проложенному Фуко (Фуко 1996), пытаясь деконструировать тезис о капиталистической гегемонии сначала при помощи критики насилия и несправедливости, проистекающих из этой теории или системы значения (того, что она исключает, запрещает или отрицает), а затем при помощи генеалогического анализа процессов, последовательностей и прерывистостей, образующих дискурс. На примере большинства стран («третьего») мира (Escobar 1995), а также западных экономик (Gibson-Graham 1996, 2006) исследователи показали, что использование проникновения капитализма в качестве точки отсчета для оценки «развития» и «прогресса» приводит к такому пониманию экономического развития, при котором незападные страны выглядят отсталыми и традиционными, а страны Запада служат олицетворением предопределенного будущего капиталистической гегемонии.

Оказалось, что развитые «рыночные» экономики Запада и большинство стран («третьего») мира состоят из множества экономических практик. Это имеет двоякие последствия. Во-первых, это означает, что существуют иные экономические практики, помимо капиталистических. Во-вторых, показывая, что некапиталистический труд существует здесь и сейчас, а не является остатком прошлого, мы делаем возможным конституирование альтернативного будущего для экономического развития, не связанного с капитализмом. В результате, капитализм утрачивает свое центральное положение, выдвигая на передний план альтернативные варианты будущего экономического развития. Дестабилизируя капитализм в качестве исходной или неизбежно гегемонистской системы, ставя под сомнение его натурализованное господство, представляя его в качестве одной из многих экономических практик, мы получаем возможность взглянуть на экономическое развитие под другим углом.

Но до сих пор этот подход применялся в основном к западным экономикам и большинству стран («третьего») мира. Мало кто пытался рассматривать в таком ключе постсоциалистические общества. Возможно, это было связано с тем, что они считались «переходными» экономиками, переживающими переход к капитализму (исключение здесь составляют работы: Pavlovskaya 2004; Smith 2002a, b). Поэтому наша задача состоит в том, чтобы внести свой вклад в теорию постразвития, критически оценив степень проникновения капитализма в старейший оплот бывшего советского блока, а именно — Москву.

ОЦЕНКА СТЕПЕНИ ПРОНИКНОВЕНИЯ КАПИТАЛИЗМА В МОСКВЕ

Для критической оценки степени проникновения капитализма в экономический ландшафт Москвы в 2005–2006 годах были проведены личные опросы 313 семей касательно их экономических практик. Учитывая существенные различия в экономических практиках между состоятельным и обездоленным населением, выделенные в предшествующих исследованиях самой Москвы (Pavlovskaya 2004), России (Kim 2002), Центральной и Восточной Европы (Wallace and Haerpfer 2002; Wallace and Latcheva 2006; Williams 2005)

и стран Запада (van Geuns et al. 1987; Leonard 1994; Renooy 1990), при отборе трех районов мы стремились получить максимально репрезентативную выборку. Во-первых, был выбран состоятельный район на западе Москвы (Крылатское); во-вторых, выбор пал также на один из наиболее бедных районов, расположенных на юго-востоке Москвы; и, в-третьих, была выбрана смешанная область, расположенная на западе московской области примерно в 25 километрах от Московской кольцевой автодороги, а именно — Лешково, где «новые русские» проживают в больших, дорогих домах бок о бок с простыми пенсионерами и «рабочей беднотой». При отборе домохозяйств для проведения опроса в каждом из этих районов использовался метод пространственно стратифицированной выборки (Kitchen and Tate 2001). Если в районе было около 1000 домохозяйств, то нужно было опросить 100 из них, то есть исследователь звонил в каждое десятое домохозяйство. Если никого не было дома и /или с ним не желали беседовать, то он шел дальше, в одиннадцатое, затем девятое, двенадцатое, восьмое и так далее. Тем самым обеспечивалась пространственно стратифицированная выборка каждого района. Всего в этих трех районах было проведено 313 личных опросов.

Преыдущие исследования показали, что при проведении беседы без заданных рамок респондентам трудно было вспомнить, когда они использовали такой труд или сами занимались им, а итоговые данные часто были несопоставимыми (см., напр.: Leonard 1994; Williams 2004). Поэтому с самого начала было принято решение о проведении структурированных интервью. Помимо сбора общих сведений о совокупных доходах домохозяйства, статусе занятости членов домохозяйства, истории их карьеры, возрасте и поле, респондентам задавались вопросы, во-первых, об основном и втором по степени важности источнике средств к существованию; во-вторых, об источниках труда, используемых обычно домохозяйством для выполнения 25 наиболее распространенных видов работы по дому; в-третьих, перекладывалось ли выполнение любой из этих 25 задач на других людей (на оплачиваемой или неоплачиваемой неформальной основе) в течение последнего года; в-четвертых, свободные вопросы о другой выполняемой работе и ее сравнительном значении для доходов домохозяйства; и, в-пятых, отталкиваясь от пятипунктной шкалы Ликерта, задавались также аттитюдные вопросы об их способности опираться на помощь других и их взглядах на экономику, политику и повседневную жизнь, а также об их видах на будущее. Ниже приведены полученные результаты.

А. Проникновение капитализма

В Табл. 2 показано, откуда опрошенное население получает свои основные средства к существованию. Респондентов просили назвать главный источник своих средств к существованию, а затем второй по значимости. Выяснилось, что лишь каждое пятое домохозяйство (21%) зависит от формальной экономики (к которой относится работа не только в капиталистической сфере, но также в государственном секторе и некоммерческих предприятиях). Таким образом, почти четыре пятых (79%) всех домохозяйств зависят

от других экономических практик в обеспечении своих основных средств к существованию, а именно — от необмениваемой работы, немонетизированного обмена и неформального монетизированного обмена. Поэтому формальная занятость — это лишь одна из многих практик, позволяющих домохозяйствам получать средства к существованию. Тезис о капиталистической гегемонии придает первостепенное значение рынку как главному и повсеместному источнику средств к существованию, переоценивая его относительную значимость и существенно недооценивая роль, которую играют другие экономические практики.

Так что называть Москву капиталистическим городом, когда только одно из 25 домохозяйств в ней заявляет о своей полной зависимости от формального сектора (не говоря уже о капиталистической экономике), — большое преувеличение. В этом городе домохозяйства используют множество экономических практик, которые нельзя считать капиталистическими, что согласуется с результатами исследований в других областях Центральной и Восточной Европы (Arnstberg and Boren 2003; Piirainen 1997; Wallace and Haerfer 2002; Wallace and Latcheva 2006; Williams 2005).

Таблица 2. Главная и вторая по значимости форма труда, обеспечивающая прожиточный минимум (% домохозяйств)

Главная стратегия	Вторая по значимости стратегия					
	Необмени- ваемый труд	Немонети- зированный обмен	Неформальный монетизирован- ный обмен	Заня- тость	Посо- бия	Итого
Необмениваемый труд	<1	1	1	<1	2	4
Немонетизированный обмен	<1	<1	<1	1	16	17
Неформальный монетизированный обмен	2	4	5	8	13	32
Занятость	0	3	6	4	8	21
Пенсии/пособия	2	17	3	2	2	26

Источник: Московский опрос 2005–2006 годов.

Кроме того, важно отметить, что треть домохозяйств, получающих основные средства к существованию за счет неформального монетизированного обмена, не обязательно участвует в «скрытой» капиталистической деятельности, так как многие зачастую считают так называемую «подпольную» или «теневую» экономику нерегулируемой формой капитализма. Этот опрос показал, что около 57% всего оплачиваемого неформального обмена в этом исследовании приходилось на людей, ранее знакомых с «поставщиком», вроде друзей или соседей, и выполнялось не из-за стремления к получению прибыли, а совсем по другим мотивам, например, для оказания помощи другим без какого-то оттенка благотворительности. Так, свыше половины всех оплачиваемых неформальных обменов больше похоже на взаимопо-

мощь, чем на наемный труд, с точки зрения социальных отношений и соответствующих мотивов, что согласуется с результатами, полученными ранее для стран Запада (Williams 2006).

Таким образом, целый ряд трудовых практик в Москве является нормой, а не исключением, когда главные и вторые по значимости источники средств к существованию у 96% домохозяйств не связаны с формальной сферой. Эти данные явно свидетельствуют об ограниченной значимости формального сектора (где товары и услуги обеспечиваются работниками, имеющими формальную занятость), не говоря уже о капиталистической экономике (где это формальное обеспечение, в отличие от государственного сектора или некоммерческих предприятий, оказывается фирмами из частного сектора с целью получения прибыли).

Б. Неравномерное проникновение капитализма: случай работы по дому

Обращаясь к вопросу о неравномерном распространении капитализма, необходимо начать с рассмотрения того, насколько одни сферы деятельности больше зависят от капиталистических практик, чем другие. В этом опросе изучался только рынок работы по дому. Хотя эта сфера, возможно, несколько искажает оценку степени проникновения капитализма в меньшую сторону, поскольку в большинстве обществ эта область остается сравнительно нетоваризованной, она все же позволяет увидеть не только слабость проникновения капитализма в этом постсоциалистическом обществе, но также его неравномерность. В Табл. 3 показаны источники рабочей силы, используемые домохозяйствами для выполнения 25 наиболее распространенных видов работы по дому. Выяснилось, что 67,6% задач выполнялись с использованием необмениваемого труда, 6,7% — немонетизированного обмена, 18,2% — неформального монетизированного обмена (нужно учитывать, что половина такого обмена связана со стремлением к получению прибыли), 0,6% составляло даровой обмен и всего 6,9% — формальной занятости (не только в капиталистических фирмах, но и в государственных и некоммерческих организациях). Степень проникновения формальной занятости (не говоря уже о капитализме) в сектор работы по дому сравнительно невелика.

Но часть населения больше ориентирована на формальные и капиталистические практики, в сравнении со всеми остальными. Как показывает Табл. 4, домохозяйства в богатом районе использовали более формальные практики занятости, чем их домохозяйства в бедном или смешанном районе. И домохозяйства с более высокими доходами чаще будут использовать ресурсы формальной сферы для выполнения соответствующих задач, чем малообеспеченные домохозяйства. Принимая во внимание тенденцию населения с более высокими доходами к большей опоре на формальную (и капиталистическую) экономику в сравнении с малообеспеченным населением, можно сделать вывод, что причина слабого проникновения формальной экономики (и капитализма, в частности) в Москве состоит в том, что значительная часть населения исключена из формальной и капиталистической сферы.

Таблица 3. Процент использования различных источников труда для выполнения работы по дому в Москве

Задача	Необмени- ваемый труд	Немонети- зированный обмен	Неформаль- ный немоне- тизированный обмен	Немонети- зированный дар	Формаль- ная заня- тость
Ремонт жилья					
Покраска стен	34,2	14,5	45,6	1,2	4,4
Наклейка обоев	37,6	16,4	40,2	0,5	5,3
Замена разбитого окна	17,3	13,6	56,8	4,9	7,4
Обслуживание бытовой техники	9,0	9,0	66,2	5,3	10,5
Двойное остекление	10,1	6,3	31,6	0	51,9
Слесарные работы	15,2	2,4	75,2	0,8	6,4
Ремонт кухни	1,1	9,2	56,3	1,1	32,2
Ремонт ванной комнаты	4,5	7,7	72,9	1,3	13,5
Замена пола	16,8	11,2	57,0	2,8	12,1
Работа по дому					
Простая приборка	97,1	1,3	1,3	0	0,3
Мытье окон	92,9	2,9	3,5	0	0,6
Покупки	94,8	2,9	1,9	0	0,3
Стирка/глажение одежды	94,8	1,3	2,6	0	1,3
Приготовление пищи	97,4	1,3	0,6	0	0,6
Мытье посуды	97,7	1,0	1,3	0	0
Стрижка	8,5	34,1	22,2	1,0	34,1
Ведение домашней бухгалтерии	99,0	0,6	0	0	0,4
Изготовление и ремонт вещей					
Изготовление/ремонт одежды	91,3	0,8	2,7	0	5,1
Изготовление/ремонт штор	83,7	8,1	3,5	0	4,6
Изготовление/ремонт инструментов	77,1	11,4	11,4	0	0
Изготовление/ремонт мебели	71,1	17,3	9,6	0	1,9

Задача	Необмени- ваемый труд	Немонети- зированный обмен	Неформаль- ный немоне- тизированный обмен		Немонети- зированный дар	Формаль- ная заня- тость
						Уход
Уход за детьми днем	91,5	0		5,1	0	3,4
Уход за детьми вечером	91,4	1,7		5,2	0	1,7
Обучение	31,3	0		31,3	0	37,5
Уход за больными	47,6	23,8		19,0	4,7	4,7

Источник: Опрос московских домохозяйств 2005–2006 года.

Таблица 4. Источники труда, используемые для выполнения работы по дому в Москве

	Необмени- ваемый труд			Немонети- зированный обмен		Неформаль- ный монети- зированный обмен		Даровой обмен		Формальная занятость	
	% всех выпол- няемых задач	Коли- чество выпол- няемых задач	%	Коли- чество выпол- няемых задач	%	Коли- чество выпол- няемых задач	%	Коли- чество выпол- няемых задач	%	Коли- чество выпол- няемых задач	%
Всего	50,5	9,03	67,6	0,9	6,7	2,43	18,2	0,08	0,6	0,92	6,9
											Район
Богатый	57,9	8,99	61,6	0,87	5,9	3,16	21,7	0,06	0,4	1,52	10,4
Бедный	51,3	8,80	66,7	1,13	8,6	2,67	20,3	0,02	0,1	0,57	4,3
Смешан- ный	48,6	9,52	77,5	0,86	7,0	1,23	10,0	0,17	1,4	0,49	4,0
											Общий доход домохозяйства в месяц (в рублях)
3000<	40,8	7,8	77,0	1,5	14,7	0,6	5,7	0,2	1,8	0,8	0,8
3000– 6999	33,7	8,3	71,7	1,4	12,1	1,4	12,4	0,1	0,6	3,2	3,2
7000– 10999	52,1	9,3	71,9	1,0	7,9	2,0	15,4	0,1	0,9	3,9	3,9
11000– 14999	55,6	8,7	63,7	0,8	5,6	3,4	24,8	0,1	0,3	5,6	5,6
15000– 18999	55,7	8,8	63,6	0,8	5,9	3,4	24,5	0,1	0,2	5,7	5,7
>19000	74,0	10,0	63,3	0,4	2,7	3,4	21,6	0,1	0,4	11,9	11,9

Источник: Опрос московских домохозяйств 2005–2006 года.

Таблица 5. Количество задач, выполняемых другими на оплачиваемой и неоплачиваемой неформальной основе: по району и доходу домохозяйства

	% выборки	% немонетизированного обмена	% оплачиваемого неформального обмена, не основанного на стремлении к получению прибыли	Немонетизированный обмен	Оплачиваемый неформальный обмен, не основанный на стремлении к получению прибыли	И то, и другое
	Район					
Богатый	39,5	31,0	66,7	79	170	137
Бедный	32,4	13,8	5,9	42	18	27
Смешанный	28,1	55,2	27,4	197	98	134
	Общий доход домохозяйства в месяц (в рублях)					
3000<	8,3	3,4	2,0	41	2,3	30
3000–6999	27,3	58,6	11,8	214	43	105
7000–10999	13,8	17,2	19,6	125	142	136
11000–14999	8,3	10,3	19,6	123	234	194
15000–18999	10,9	0	35,3	0	323	206
>19000	31,2	10,3	11,8	33	38	36

Источник: Опрос московских домохозяйств 2005–2006 года.

Анализируя количество задач, выполняемых с использованием всех форм занятости, Табл. 4 показывает, что даже хотя жители богатых районов и представители домохозяйств с более высокими доходами чаще используют формальную и капиталистическую сферу, они также широко обращаются к некапиталистическому труду, а именно – необмениваемому труду. И если домохозяйства в бедных районах переключаются свои функции социального воспроизводства на некапиталистическую область за счет формальной и капиталистической сферы в стремлении сократить материальные затраты (напр., Castells and Portes 1989; Davis 2006), настоящее исследование показывает, что было бы неверно считать, что такое население шире участвует в необмениваемом труде. Напротив, необмениваемый труд больше распространен среди богатого населения.

Как видно из Табл. 5, схожая ситуация наблюдается также для немонетизированного обмена и неформального монетизированного обмена, не направленного на получение прибыли. Жители бедного района и представители домохозяйств с самыми низкими доходами реже участвуют в немонетизированном обмене и неформальном монетизированном обмене, не направленном на получение прибыли, чем жители смешанных и богатых районов и представители домохозяйств с более высокими доходами.

Поэтому при рассмотрении неравномерного развития в Москве границу следует проводить не между теми, кто участвует в капиталистической экономике, и теми, кто участвует в некапиталистической экономике. Скорее, имеет место поляризация между «полностью занятым» населением, участвующим в капиталистических и некапиталистических экономических практиках, и относительно «незанятым» населением, исключенным не только из капиталистической, но и из некапиталистической экономики.

Кроме того, имеются заметные различия в мотивах людей, участвующих в некапиталистических экономических практиках. Всякий раз после того, как респондент называл последний источник рабочей силы, используемой для выполнения определенной задачи, ему задавали вопрос, использовался этот источник рабочей силы по собственному выбору или по необходимости. Состоятельное население чаще участвует в необмениваемом труде, немонетизированном обмене и оплачиваемом неформальном обмене, не направленном на получение прибыли, по выбору, а бедное население — по необходимости. Например, в богатом районе некапиталистические практики использовались примерно в 66% случаев, причем добровольно, тогда как в бедном районе такая ситуация имела место лишь в 35% случаев. Поскольку бедное население обращается к некапиталистическим практикам по необходимости и из-за отсутствия выбора, тогда как для богатого населения это в большей степени вопрос выбора. Все это подводит нас к важным выводам, которые будут изложены ниже.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После падения социалистического блока широкое распространение получило представление, что постсоциалистические общества должны совершить переход к капитализму, и, в соответствии с этим самоисполняющимся пророчеством, экономическая политика этих стран была сосредоточена на стимулировании капиталистической инициативы. Костера (Kostera 1995) даже уподобил степень вмешательства и инвестиций, призванных обеспечить наступление капитализма, религиозному крестовому походу с толпами преподавателей менеджмента и консультантов, которые выступали в роли миссионеров, несущих культ «рыночного менеджериализма» (Parkeг 2002) языческим массам. Несмотря на это, проведенный опрос показывает, что постсоциалистические города, вроде Москвы, продолжали опираться на тип экономического развития, основанного на экономическом плюрализме. Это поднимает некоторые важные вопросы. Должна ли экономическая политика и дальше стремиться к развитию формальных и капиталистических экономических практик в этих постсоциалистических обществах? Или нужно попытаться облегчить развитие некапиталистических экономических практик в качестве дополнения или альтернативы формальной и капиталистической сферам, дабы повысить адаптационные способности населения?

Из-за предположения, что постсоциалистические общества переживают переход к капитализму, такие вопросы остались за пределами сферы внима-

ния политических кругов. Мало кто сомневался в том, что экономическая политика должна быть направлена на развитие формальных и капиталистических форм. Но, как оказалось, некапиталистические экономические практики не являются чем-то традиционным, застойным, переживающим упадок, отсталым и маргинальным, а, напротив, используются широко и повсеместно. Поэтому тем, кто стремится проводить капиталистические практики с миссионерским рвением, вместо того, чтобы развивать другие средства к существованию, следует задаться вопросом, насколько целесообразно этим заниматься и дальше.

Между тем теоретики постразвития склонны считать сохранение некапиталистических экономических практик свидетельством наличия альтернатив капитализму и существования «пространств надежды» (Harvey 2000), которые можно использовать для развития альтернатив капитализму. Но прежде, чем согласиться с этим несколько оптимистичным представлением о некапиталистических практиках, нужно лучше разобраться в том, какую именно роль они играют. Это исследование Москвы показывает, что, хотя сравнительно состоятельное население, по-видимому, имеет определенный элемент выбора в своих решениях участвовать в таких практиках, сравнительно бедное население участвует в этих практиках в большей степени из-за отсутствия у них выбора. Это не столько пространства надежды, сколько пространства отчаяния, в которое погружены те, кто не отвечает требованиям капитализма. Поэтому вполне возможно, что такие некапиталистические экономические практики, как утверждают некоторые теоретики (Castells and Portes 1989; Davis 2006; Sassen 1997), столь широко распространены и сохраняются лишь потому, что современный капитализм вынудил многих искать себе средства к существованию в этой некапиталистической сфере.

Впоследствии можно попытаться дестабилизировать капитализм, пересмотрев эту сферу как одну из многих форм экономической практики (Leushon et al. 2003), но не следует изначально рассматривать такие некапиталистические практики в качестве площадок сопротивления, которые могут служить альтернативой капитализму. Так что, как показывает проведенный опрос, правильнее считать их распространенными, но не несовместимыми, а взаимодополняющими сферами. И, с этой точки зрения, при рассмотрении экономического развития нельзя проводить жесткой границы между теми, кто участвует в капиталистической экономике, и теми, кто участвует в некапиталистической экономике. Скорее, неравномерное развитие связано с поляризацией между «полностью занятыми» в капиталистических и некапиталистических практиках и «незанятыми» или «неучаствующими» не только в капиталистических, но и в некапиталистических практиках.

Короче говоря, тезис о капиталистической гегемонии скрывает целый спектр возможностей для переосмысления природы экономического развития, который отрывается перед нами в результате признания существования, ценности и развития другой (или «сделанной другой») области за пределами капитализма. Но если мы будем видеть в них олицетворение альтернатив капиталистической гегемонии, на чем настаивают теоретики

постразвития, мы не сможем понять, как эти экономические практики сосуществуют сегодня с капиталистическими и пересекаются с ними. Если эта статья послужит стимулом для переоценки траекторий экономического развития в других странах и регионах мира и побудит к отказу от представления о неизбежности и необратимости капиталистической гегемонии, тогда она достигнет своей цели.

Перевод с английского Артема Смирнова

ЛИТЕРАТУРА

- Деррида, Ж. (2000). О грамматологии. М.: Ad Marginem.
- Поланьи, К. (2002). Великая трансформация. СПб.: Алетейя.
- Фуко, М. (1996). Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь. С. 49–96.
- Amin, A., A. Cameron, and R. Hudson. (2002). «The UK Social Economy: Panacea or Problem?» In *Social Capital in the Economy*. Eds. I. Bartle and D. Castiglione. Russell Papers Civic Series 2002/4. Colchester, UK: University of Essex.
- Arnstberg, K., and T. Boren (Eds.). (2003). *Everyday Economy in Russia, Poland and Latvia*. Stockholm: Almqvist and Wiksell International.
- Butler, J. (1990). *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. London: Routledge.
- Carruthers, B. G., and S. L. Babb (2000). *Economy/Society: Markets, Meanings and Social Structure*. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press.
- Castells, M., and A. Portes (1989). «World Underneath: The Origins, Dynamics and Effects of the Informal Economy». In *The Informal Economy: Studies in Advanced and Less Developing Countries*. Eds. Alejandro Portes, Manuel Castells, and Laura Benton. Baltimore, MD: John Hopkins University Press.
- Castree, N., N. Coe, K. Ward, and M. Samers (2004). *Spaces of Work: Global Capitalism and the Geographies of Labour*. London: Sage.
- Ciscel, D. H., and J. A. Heath (2001). «To Market, to Market: Imperial Capitalism's Destruction of Social Capital and the Family». *Review of Radical Political Economics* 33: 401–414.
- Community Economies Collective. (2001). «Imagining and Enacting Noncapitalist Futures». *Socialist Review* 28: 93–135.
- Davis, M. (2006). *Planet of Slums*. London: Verso.
- De Soto, H. (2001). *The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else*. London: Black Swan.
- Escobar, A. (1992). «Reflections on 'Development': Grassroots Approaches and Alternative Politics in the Third World». *Futures* June: 411–436.
- . (1995). *Encountering Development: The Making and Unmaking of the Third World*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- . (2001). «Culture Sits in Places: Reflections of Globalism and Subaltern Strategies of Localization». *Political Geography* 20: 139–174.
- Esteve, G. (1985). «'Beware of Participation' and 'Development: Metaphor, Myth, Threat. '» *Development: Seeds of Change* 3: 77–79.
- Fulcher, J. (2004). *Capitalism: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Gibson-Graham, J. K. (1996). *The End of Capitalism (As We Knew It?): A Feminist Critique of Political Economy*. Oxford: Blackwell.
- . (2003). «Poststructural Interventions». In *A Companion to Economic Geography*. Eds. E. Sheppard and T. J. Barnes. Oxford: Blackwell.
- . (2006). *A Post-Capitalist Politics*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Gibson-Graham, J. K., and D. Ruccio (2001). «'After' Development: Re-Imagining Economy and Class». In *Re/presenting Class: Essays in Post-Modern Marxism*. Eds. J. K. Gibson-Graham, S. Resnick, and R. Wolff. London: Duke University Press.
- Giddens, A. (1998). *The Third Way: The Renewal of Social Democracy*. Cambridge: Polity Press.

- Gough, I. (2000). *Global Capital, Human Needs and Social Policies*. Basing-stoke, UK: Palgrave.
- Gudeman, S. (2001). *The Anthropology of Economy*. Oxford: Blackwell.
- Harvey, D. (2000). *Spaces of Hope*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Kim, B.-Y. (2002). «The Participation of Russian Households in the Informal Economy: Evidence from the VTSIOM Survey». *Economics of Transition* 10: 689–717.
- Kitchen, R., and N. Tate (2001). *Conducting Research in Human Geography: Theory, Practice and Methodology*. London: Prentice Hall.
- Kostera, M. (1995). «The Modern Crusade: The Missionaries of Management Come to Eastern Europe». *Management Learning* 26: 331–352.
- Kovel, J. (2002). *The Enemy of Nature: The End of Capitalism or the End of the World?* London: Zed.
- Latouche, S. (1993). *In the Wake of Affluent Society: An Exploration of Postdevelopment*. London: Zed.
- Leonard, M. (1994). *Informal Economic Activity in Belfast*. Aldershot, UK: Avebury.
- Leyshon, A., R. Lee, and C. C. Williams (Eds.). (2003). *Alternative Economic Spaces*. London: Sage.
- Massey, D. (2005). *For Space*. London: Sage.
- Parker, M. (2002). *Against Management*. Cambridge: Polity Press.
- Pavlovskaya, M. (2004). «Other Transitions: Multiple Economies of Moscow Households in the 1990s». *Annals of the Association of American Geographers* 94: 329–351.
- Piirainen, T. (1997). *Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures and Everyday Life*. Aldershot, UK: Dartmouth.
- Renooy, P. (1990). *The Informal Economy: Meaning, Measurement and Social Significance*. Amsterdam: Netherlands Geographical Studies Association.
- Sachs, I. (1998). «The Logic of Development». *International Social Science Journal* 157: 361–365.
- Sassen, S. (1997). *Informalisation in Advanced Market Economies*. Geneva: International Labor Office.
- Scott, A. J. (2001). «Capitalism, Cities and the Production of Symbolic Forms». *Transactions of the Institute of British Geographers* NS 26: 11–23.
- Smith, A. (2002a). «Culture/Economy and Spaces of Economic Practice: Positioning Households in Post-Communism». *Transactions of the Institute of British Geographers* 27: 232–250.
- — —. (2002b). «Rethinking 'Survival' in Austerity: Economic Practices and Household Economies in Slovakia». In *Work, Employment and Transition: Restructuring Livelihoods in Post-Communism*. Eds. A. Rainnie, A. Smith, and A. Swain. London: Routledge.
- Thompson, G., J. Frances, R. Lavacic, and J. Mitchell (Eds.). (1991). *Markets, Hierarchies and Networks*. London: Sage.
- Van Geuns, R., J. Mevissen, and P. H. Renooy (1987). «The Spatial and Sectoral Diversity of the Informal Economy». *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie* 78: 389–398.
- Wallace, C., and C. Haerpfer (2002). «Patterns of Participation in the Informal Economy in East-Central Europe». In *The Social Impact of Informal Economies in Eastern Europe*. Eds. R. Neef and M. Stanculescu. Aldershot, UK: Ashgate.
- Wallace, C., and R. Latcheva (2006). «Economic Transformation Outside the Law: Corruption, Trust in Public Institutions and the Informal Economy in Transition Countries of Central and Eastern Europe». *Europe-Asia Studies* 58: 81–102.
- Watts, M. (1999). «Commodities». In *Introducing Human Geographies*. Eds. P. Cloke, P. Crang, and M. Goodwin. London: Arnold.
- Williams, C. C. (2002). «A Critical Evaluation of the Commodification Thesis». *Sociological Review* 50: 525–542.
- — —. (2003). «Evaluating the Penetration of the Commodity Economy». *Futures* 35: 857–868.
- — —. (2004a). «The Myth of Marketization: An Evaluation of the Persistence of Non-Market Activities in Advanced Economies». *International Sociology* 19: 437–449.
- — —. (2004b). «Beyond Commodification: Re-Reading the Future of Work». *Foresight* 6: 329–337.
- — —. (2004c). *Cash-in-Hand Work: The Underground Sector and the Hidden Economy of Favours*. Basingstoke, UK: Palgrave-Macmillan.
- — —. (2005). *A Commodified World? Mapping the Limits of Capitalism*. London: Zed.
- — —. (2006). «Beyond Market-Orientated Readings of Paid Informal Work: Some Lessons from Rural England». *American Journal of Economics and Sociology* 65: 383–406.
- Williams, C. C., and J. Windebank (2003). «The Slow Advance and Uneven Penetration of Commodification». *International Journal of Urban and Regional Research* 27: 250–264.